

ЗРИТЕЛЬ СЛУШАЕТ ТИШИНУ...

МАРСЕЛЬ Марсо в Ленинграде. Наши зрители не раз видели этого выдающегося актера на экране телевизора. Читали о нем. И вот — встреча. Встреча радостная и впечатляющая.

Марсо привез к нам тонкое, полное поэзии искусство пантомимы, считающейся матерью всех сценических искусств. Безмолвное творчество — пантомима — переживает в наши дни во всем мире пору своего нового расцвета. И этим оно во многом обязано редкостному дарованию нашего гостя, который возродил во французской пантомиме народный дух, сумел придать своему театру тишины гуманистическую направленность.

О начале спектакля, по традиции, возвещают удары палкой об пол. На сцене ни декораций, ни аксессуаров. Только луч яркого света и ощутимая тишина. Да и нужны ли декорации, когда на сцене Марсо, чародей молчания, как его называют, и, надо сказать, по справедливости называют. Все это — лестницы, качели, вазы, тарелки, воздушные шары, арену цирка и дрессированных хищников, аллеи городского сада и оживающую скульптуру, ярмарочную суету — все воссоздает он, обо всем повествует, не произнося ни слова, лишь чарующей мелодией словно звучащего тела. Какой вы-

соты должна достичь исполнительская техника, чтобы вот так невидимое делать видимым, несуществующее — осязаемым, неслышимое — звучащим! И все это наполнить живой теплотой, художественной достоверностью, согреть жизненной правдой. Марсо будит нашу фантазию. Делает ее активной. А это и есть одно из самых высоких предназначений искусства.

Марсель Марсо — мастер мгновенного перевоплощения. При этом он не прибегает ни к бутафорским носам, ни к наклейкам. Трудно сосчитать все образы-зарисовки, какие он двумя-тремя штрихами воссоздает на протяжении спектакля.

Свои короткие, безмолвные новеллы Марсо рассказывает как бы от лица постоян-

ного героя — Бипа, этого наивно-го, где-то легкомысленного, а где и мудреца, этого непосредственного, впечатлительного, вспыльчивого, забавного и влюбчивого, иногда проказливого, но всегда человеческого, этого мечтателя с традиционно белым лицом и наивно взметнувшимися полукружками бровей. Бип — это маска, такая же, как, скажем, классическая маска Арлекина в комедии дель арте, но маска, которой владеет очень талантливый мим.

Уже с первых минут зал захвачен, увлечен филигранным мастерством, доведенным до виртуозного блеска, покoren изяществом и актерской смелостью.

Одна пантомима сменяется другой, еще более впечатляющей. И каждая — будь то забавная сценка «Бродячий акробат», удивляющая снайперски точной передачей движений канатоходца-новичка, или полная юмора зарисовка «Скульптор», пародийно передающая творческий экстаз ваятеля, или же небольшая пластическая сюита «Отрочество, зрелость, старость и смерть», в которой нас потрясает глубина красноречивого безмолвия, скупость и тонкий отбор выразительных средств, — все несет в себе своеобразие формы, четкую мысль, а главное — исполнено настоящей любви к человеку. Именно эта черта творчества Марсо и придает его выступлению особую притягательную силу.

Немым гимном, посвященным человеку, маленькому человеку, простодушному и незлобивому, прозвучала нестаревшая пантомимическая баллада «Давид и Голиаф». В этой, длящейся минут семь миниатюре Марсо совершает некое актерское чудо. Непостижимо, как ему удается молниеносно оборачиваться то напыщенным, самоуверенным Голиафом — косая сажень в плечах, то тешедущим весельчаком Давидом, беспечноверяющим своей свирели радость земной жизни. Маленький человек способен одолеть великана, разум торжествует победу над тупой силой — таков подтекст авторской интонации «Давида и Голиафа».

Любовью к человеку проникнута едва ли не каждая пантомима Марсо. Продавец воздушных шаров, видя огорчение малыша, упустившего свою летучую попку, безвозмездно дарит ему новый шар, радуясь счастливой улыбке ребенка. Юный ловец бабочек, потрясенный гибелью одной из них, дарует свободу всем пленницам.

Искусство пантомимы много-

гранно. Оно способно глубоко и эмоционально выражать правду чувств, способно волновать и вселять радость, исторгать слезы и смешить. Да еще как! Смех — стихия пантомимы. И особенно сатирический смех. Сколько забавных эпизодов прославляет миниатюры Марсо. Юмор, пожалуй, главенствует в них. А сатира, как она представлена в спектакле нашего гостя? К сожалению, приходится признать, что в программе Марсо нашли место только так называемые общечеловеческие, субъективно отвлеченные темы. А жаль! У советского зрителя не может не вызывать чувства некоторой досады те, что замечательный актер, прогрессивный художник, друг газеты «Юманите», не включил в эту программу ни единой пантомимы, несущей в себе социальные темы, ни единого сюжета, наполненного гражданским пафосом. А такие произведения есть в репертуаре театра Марсо, назовем хотя бы «Ломбард», «Париж смеется, Париж плачет».

Понимает и любит искусство пантомимы наш советский зритель. Когда Марсо выступал в столице, рабочие московского завода «Станколит» пригласили его к себе в гости. В ответном слове Марсо сказал: «Каждый вечер, выступая в саду «Эрмитаж», я остро чувствую, как бьются сердца зрителей, как они жадно ловят мой жест (кстати, слово жест одинаково звучит на обоих языках), как хорошо умеют слушать тишину...»

Секрет успеха Марсо у нашего зрителя — в блестящей исполнительской технике, в искренности и глубокой, проникновенной взволнованности, а главное — в человечности и демократичности его героя. Не забываем мы и о том, что Марсо является автором и режиссером всех пантомим, идущих в его театре, плодотворно выступает и как теоретик этого сложного и малоисследованного искусства.

Выступления Марселя Марсо в нашей стране, так же как и открывшаяся в парке «Сокольники» национальная выставка Франции и выставка СССР в Париже, как и ожидаемый приезд к нам парижского театра ТНП, а в Париж — Архангельского ансамбля песни и пляски, — красноречивое свидетельство все возрастающей дружбы между народами, свидетельство успешно развивающихся культурных связей.

Р. СЛАВСКИЙ,
лауреат Всесоюзного
конкурса артистов эстрады

